

Алексей Будищев

Урод

Алексей Николаевич Будищев

Урод

Аннотация

«Пятилетняя Анка сидела на завалинке своей полуразрушенной хаты и широко открытыми глазами глядела на галдевших перед нею мужиков. Грязная улица сельца Панкратова погружалась во мрак; коричневая крыша маленькой сельской церкви казалась черною, и торчавшая у самой околицы ветла делалась похожею на стог сена. А в темном апрельском небе ходили тучи, постепенно одна за другою загорались звезды и красными пятнами догорала в сыром тумане вечерняя заря...»

Алексей Будищев

Урод

Пятилетняя Анка сидела на завалинке своей полуразрушенной хаты и широко открытыми глазами глядела на галдевших перед нею мужиков. Грязная улица сельца Панкратова погружалась во мрак; коричневая крыша маленькой сельской церкви казалась черною, и торчавшая у самой околицы ветла делалась похожею на стог сена. А в темном апрельском небе ходили тучи, постепенно одна за другою загорались звезды и красными пятнами догорала в сыром тумане вечерняя заря.

Анка сидела на завалинке и ёжилась от сырости. Порою ее глаза широко раскрывались, она точно припоминала о чем-то непонятном и углы ее губ начинало подергивать; она готова была расплакаться, но когда к ее коленям подходила черная собака Арапка, девочка повертывала к ней свое личико и начинала беззаботно играть с ее кудлатым хвостом. Между тем, крестьяне продолжали беспорядочно галдеть перед нею, решая участь девочки. Как-нибудь ее нужно пристроить, так как она осталась сиротою. Три дня тому назад, ее мать, безродная вдова Марья Перфилиха, умерла и сегодня утром ее высохшее и застывшее тело предано земле. Родственников у Марьи Перфилихи не было ни души, и Анка осталась совершенно одинокою, если не считать кудла-

тую собаку Арапку. Девочку куда-нибудь нужно было определить, но никто из крестьян взять ее к себе не желал: каждому лишний рот в семье был бы в тягость. Мальчика каждый взял бы с охотою, мальчик иное дело, а девочка – девка одна обуза. Полуразвалившуюся хату Марьи Перфилихи брал за долг Евграф Глухой и, таким образом, Анка оставалась даже без пристанища. Евграф Глухой, в то время как мужики решали участь Анки, уже оглядел хату со всех сторон, внимательно выстукал и выслушал нижние венцы сруб и мысленно решил через неделю разобрать хату до основания и из полусгнивших бревен выкроить небольшой амбар. Хата, казалось, знала, что дни ее сочтены и панкратовское общество единогласно подписало ей смертный приговор, и она глядела на Евграфа Глухого своими подслеповатыми окнами с тем усталым равнодушием, с каким глядит изъезженная кляча в лицо живодера, засучивающего рукава своей рубахи.

Между тем, к галдевшим мужикам, решавшим участь сиротки, подполз на четвереньках урод Егорка; он пробрался, расталкивая руками их колени, дополз до собаки и, обхватив ее шею, стал кувыркаться с нею по земле. Анка даже рассмеялась, а Евграф Глухой крикнул уроду:

– Ах ты, кренделем ноги, чтоб тебя!

Урод тоже рассмеялся в свою очередь.

Урод Егорка не панкратовский уроженец. Пришел он в Панкратово три года тому назад Бог весть откуда и с тех

пор живет у старого деда Лазаря, уплачивая ему за квартиру 30 коп. в месяц. Ростом он с аршин и принужден ходить на четвереньках, так как его ноги странным образом переплетены до колен и загнуты назад. Стоял он всегда на коленях, а при ходьбе опускался на четвереньки, опираясь на кулаки, отчего они у него загубели и потрескались, как волчьих пальцы. Занимался он плетением корзин, лаптей и верш, а каждое лето, кроме того, нанимался караулить бахчу у помещика Синицына. С такою работою он справлялся легко. Его длинные руки были сильны и бегал он, хотя и на четвереньках, но весьма быстро. В настоящую минуту его возня с собакою рассмешила мужиков и они прекратили свой спор. Евграф даже предложил сходу пока ничего не решать относительно Анки... На этих днях он рассчитывал побывать в соседнем селе Дылдове; в Дылдове мужик позажиточней и, может быть, там кто-нибудь возьмет Анку в приемыши. А пока ее можно оставить жить в ее же хате, приставив к ней для надзора глухую бабушку Солмонида, а кормить ее эти дни можно подворно, как мирского пастуха. Это предложение было принято единогласно и мужики стали расходиться. Скоро их говор смолк в темной и сырой улице сельца Панкратова. У покосившейся хаты покойной Марьи Перфилихи остались Анка, глухая бабушка Солмонида, Арапка и урод Егорка. Анка с грустным личиком сидела и ёжилась на заваulinke. Бабушка Солмонида подошла к ней, взяла ее на руки и понесла в избу, а Егорка и Арапка последовали за нею.

Арапка остался в сених, а Егорка пробрался в избу. Он все глядел на личико Анки и точно о чем-то думал. Его безбородое и изрытое морщинами лицо было сосредоточенно. Бабушка Солмонида, впрочем, не обратила на него ровно никакого внимания. Она улеглась вместе с Анкою на печке; Анка сперва о чем-то плакала и всхлипывала, а бабушка Солмонида ее вполголоса утешала. Но, наконец, они обе заснули и зашвистели носами. В избе стало тихо; только с далеких пойма долетало порою в избу одинокое покрякивание утки. И тогда Егорка почмокал губами, покачал головою и стал укладываться на ночлег – тут же, в углу хаты. Его сердце точно чем-то сверлили. Он снял свой заплатаанный кафтан, подложил его в изголовье и начал тихонько разувать с своих колен лапти.

Лапти он носил на коленях.

Утром следующего дня Егорка пришел к помещику Синицыну и спросил его, наймет ли он его и на это лето караулить бахчу. Синицын рассмеялся и сказал, что он рад нанимать Егорку хотя каждое лето, так как он – караульщик честный и исправный. И тогда Егорка просил позволения построить ему на участке, где сеется бахча, землянку, в которой он мог бы жить и зиму, и осень, и лето, вообще, круглый год. Синицын и на это изъявил свое полное согласие. Четырех сажень земли ему не жаль. Летом все равно нужно где-нибудь строить шалаш, а зимою и осенью на этой земле ничего не сеют.

Егорка вышел от Синицына радостный и веселый, и целую неделю не показывался в Панкратове. Целую неделю он был весь в хлопотах. Два мужика из села Дылдова, под надзором и при сильном участии самого Егорки, копали землянку на Синицынской бахче, у речки Талой. Через шесть дней землянка была готова вполне. Она была вся выкопана в земле и занимала немногим менее двух квадратных саженьей земли. Ее земляные стены были выложены с внутренней стороны топкими бревнышками и вымазаны глиною. Глиною же был вымазан и весь пол землянки. В крыше было сделано маленькое оконце, посреди землянки – печь, а вдоль ее стен деревянные лавки. А в красном углу помещался образ Георгия Победоносца. Вообще, землянка вышла хоть куда, несмотря на то, что помещалась она вся в земле, и над землею возвышалась только вымазанная глиною крыша да дымовая труба, или, вернее, горлышко молочного горшка.

Егорка рассчитался с мужиками и поскреб в затылке; землянка стоила ему 17 рублей, копейка в копеечку, и теперь из двадцати пяти рублей, скопленных им в течение двадцати лет упорного труда, у него оставалось лишь восемь. Однако, Егорка истраченных денег не пожалел, а скорее попенял, что осталось их немного, и тотчас же на четвереньках побежал в сельцо Панкратово.

Крестьяне сельца Панкратова были сильно удивлены, когда Егорка заявил им, что желает взять Анку к себе в приемыши и что у него есть теперь своя хата. Но они совеща-

лись недолго, так как и в Дылдове охотников взять Анку не находилось. Анка была вручена уроду Егорке всем сходом, как приемная дочь.

Только кто-то из крестьян сострил:

– Да ты не жениться ли на ней хочешь, кренделевы ноги?

А Евграф Глухой добавил:

– То-то, поди, трепака будет откалывать на своей свадьбе.

Крестьяне расхохотались и этим дело покончилось. Егорка и Анка отправились к реке Талой, в свою хату – Анка, слегка как будто оробевшая, а Егорка сосредоточенный; и серьезный. Теперь и у него, как у всех настоящих людей, есть дочь.

Когда они подошли к речке Талой, их нагнал Арапка; Егорка даже расхохотался от радости и проговорил:

– Ах, ты, елѣха-воха, чтоб тебя! Ну, иди, пострел, и тебя кормить буду!

Арапка весело завилял хвостом и лизнул уroda прямо в нос, а урод посадил Анку к себе на спину. Через речку нужно было идти по узкому, в две тесины переходу, и Егорка боялся, чтобы девочка не упала в воду. Придерживая Анку одною рукою на своей спине, урод тихонько полез через переход. Через минуту он, Анка и собака были уже возле своей хаты. Отворяя дверь хаты, урод весело крикнул:

– Всех кормить буду, чтоб вам. Как лошадь работать буду! – и, подмигнув глазом Анке, он добавил: – Недаром я на четырех ногах хожу!

Прошел месяц... Анка, урод и Арапка жили в своей землянке тихо, мирно и дружно. Анка, вначале боявшаяся Егорки, заметно стала привыкать к нему. Урод старался всячески развлекать девочку и наделал ей много игрушек. Из ветловой коры он устроил ей дудку, из липового обрубка – кузнечков, из случайно найденного им козна – буркало, которое так громко гудело, что Арапка каждый раз начинал отчаянно лаять. Все трое – они целый день жили на воздухе и только спали в землянке. Урод пек хлеб, стирал Анке посконные рубашечки, плел лапти. Работы у него было по горло. Анка же копалась в песке или свистела в ветловую дудку. И когда урод смотрел на катавшуюся по песку Анку, работа в его руках спорилась живее и ему делалось так весело, что он начинал кричать петухом. Анка смеялась в ответ уроду, а Арапка, целые дни спавший на припеке, подходил к Егорке, вилял хвостом и лизал его в нос. Иногда к ним в землянку приходила в гости глухая бабушка Солмонида. Она жаловалась на свою глухоту, а Егорка угощал ее ухой. И тогда между ними происходил обыкновенно приблизительно следующий разговор. Егорка говорил Солмониде:

– И рыбы у нас, бабушка, в Талой, страсть!

А глухая бабушка Солмонида отвечала:

– Да, родимый, рупь с четвертаком, рупь с четвертаком!

– Да ты про что, бабушка? – спрашивал, смеясь, Егорка.

– Про жену, про Епифоркину, про кого же!

– А я про рыбу.

– А-а, спасибо, родимый, спасибо, больше не хочу.

Каждое первое число Егорка ходил в усадьбу Сеницына получать месячную: ржаную муку и пшено. Эти дни были для него самыми мучительными; он боялся, чтобы в его отсутствие с Анкою чего-нибудь не произошло. И когда он возвращался к своей землянке весь потный и усталый, с почти двухпудовою клажею на своей широкой спине и видел Анку, беззаботно игравшую в буркало, а Арапку, неистово около ее ног лаявшего, с его сердца точно сваливалась тяжесть. И до следующего первого числа он был спокоен. Между тем, Сеницын, узнав, что у урода есть приемная дочь, объявил Егорке, что ему будет выдаваться месячная круглый год. А жена Сеницына не раз просила Егорку привести свою приемную дочку к ней; она желала ее посмотреть. Однако Егорка желания Сеницыной не исполнял. Он боялся, что Анка понравится барыне и барыня отнимет у него девочку.

На Казанскую бабушка Солмонида прогостила в землянке целые сутки, а Егорка бегал в село Дылдово на ярмарку. Там он пел Лазаря и в сутки набрал трешниками целых полтора рубля. С ярмарки он принес Анке ситцевый сарафанчик и башмачки, а бабушке Солмониде фунт кренделей, которых бабушка, к его сожалению, разгрызть никак не могла. И так, дни шли за днями на реке Талой; бахча уже поспевала; соловьи давно перестали петь. По теплым ночам скрипели одни коростели, да пронзительно покрикивали цапли. Анка

совершенно привыкла к уроду, но иногда она все-таки скупчалась. От дверей землянки, где она возилась по целым дням, была видна река Талая, узкий переход через нее, а дальше – зеленые поймы, с желтыми цветами на месте выпитых солнцем и почвою весенних луж и, наконец, крест панкратовской церкви. И когда девочка смотрела на этот крест, личико ее делалось грустным. Порою она начинала даже горько плакать и заявляла, что хочет к мамке. Урод в эти минуты обыкновенно старался всячески рассеять девочку: он возил ее на своей спине, кувыркался перед нею колесом или изображал ей петушиный бой. Но иногда это не помогало, и Анка так и засыпала вся в слезах. В эти ночи обыкновенно и Егорка долго не мог заснуть. Он беспокойно ворочался на своей лавке и думал. Вот и у него есть, наконец, дочка, хорошая дочка. В сорок лет Бог послал ему дочку. Пока она мала, он будет много работать. А вырастет дочка, будет ему утешением. Он выдаст ее замуж, и она вместе с мужем будут величать его по имени и по отчеству Егором, Егором... но как урод ни напрягал памяти, он не мог вспомнить, как его зовут по отчеству. И это его огорчало.

Прошел еще месяц и еще... Река Талая стала мутною и неприветливою. Листья приречных ракит облетели. Бахчу уже давно убрали. По ночам стало холодно и печку приходилось протапливать. Чтобы закрыть трубу, нужно было лезть на крышу землянки и закрывать горло молочного горшка доскою, а доску накрывать кирпичом, чтобы ее не сшибло рез-

ким осенним ветром. По вечерам урод плел лапти и корзины, Арапка грелся у печки, а Анка играла в голанцы. От скуки и для развлечения девочки урод выучил Арапку поноске. Он бросал свою шапку и Арапка, к удовольствию девочки, каждый раз приносил ему шапку обратно. Кажется, и Арапка весьма гордился своим искусством. Иногда в землянке всю ночь, не переставая, слышался монотонный шум дождя и завывание ветра. Раза два в лунную и холодную ночь, на молочном горшке землянки сидел пробиравшийся на синицынское гумно русак и, нюхая воздух, прислушивался к громкому храпу уroda и тихому дыханию девочки. А когда Егорка, наконец, взял носом неизмеримо высокую ноту, русак дал такого стрекача, что сшиб и доску, и кирпич, оберегавшие тепло землянки. И уроду пришлось лазить на крышу вторично.

Второго октября, в день святого священномученика Киприана, Егорка надумал идти в село Дылдово. Там в этот день храмовой праздник и урод рассчитывал посбирать на селе весь день Христа-ради. Анке нужно было справиться хотя какую-нибудь шубенку. Уходя, он строго наказал «дочке» не отлучатся: из землянки, а Арапку просил оберегать девочку. Анка ласково кивнула головкою на просьбу уroda, а Арапка повилял хвостом: «Знаем дескать, братец сами не маленькие!» И урод пошел к Дылдово совершенно спокойно.

День был солнечный и веселый, и Анка проиграла у две-

рей хаты с Арапкою вплоть до вечера Но перед вечером она внезапно увидела блеснувший на солнце крест панкратовской церкви и расплакалась. Арапка подбежал к ней и лизнул ее в лицо. Девочка проговорила: «Хочу к мамке, к мамке хочу!»

И тогда Арапка подбежал к переходу, оглянулся на девочку и завил хвостом. Анка сквозь слезы повторяла: «Хочу к мамке!»

Арапка все стоял у перехода, глядел на девочку и вилял хвостом. Казалось, он хотел сказать Анке: «Да иди же, разве я не знаю дороги к Марье Перфилихе? Или забыл?»

Анка точно что-то припомнила. Она вся в слезах поднялась на ноги и пошла к Арапке. Арапка, очевидно, обрадовался, что его, наконец, поняли и, дружелюбно помахивая хвостом, пошел по переходу. Девочка последовала за ним...

Месяц уже высоко стоял на небе, когда урод подошел к своей землянке. В Дылдове его задержали, он сильно запоздал и это его беспокоило. Он вошел в хату и зажег спичку. Его обдало холодом: ни Арапки, ни Анки там не было. Егорка опрометью бросился вон. На мокром берегу Талой он крикнул: «Анка! Анка!» Ему никто не откликнулся. Он огляделся и повторил свой крик, но его слова снова замерли без отклика в сыром воздухе. Урод подбежал к землянке и стал разглядывать влажный песок. При свете месяца он увидел следы Анкиных башмачков; они вели к переходу. Урод с захолонувшим сердцем, на четвереньках, побежал

по следу, но на мокрых тесинах следа не было, да если бы он и был, его нельзя было бы увидеть: месяц хотя и светил, но тускло. Хмурые тучки постоянно затягивали его диск. Урод выбежал на противоположный берег, но и там на песке следов Анкиных башмачков не было видно. Но зато урод увидел Арапку; он лежал, свернувшись в комок, на мокром берегу речки, несколько влево от перехода. Урод крикнул: «Арапка, Арапка!»

Собака приподняла голову, ее глаза были мутны. Виновато она подошла к уроду. И тут месяц вышел из-за туч и урод увидел башмачок Анки; он качался на воде, под ветками ракит, почти у самого берега, в двух шагах от перехода. Рядом с ним качалась на воде звездочка. Это был тот самый башмачок, который урод подарил своей дочке на Казанскую ярмарку. Урод завизжал и припал лицом к мокрой земле. Он понял все... В таком положении он пробыл несколько минут. Сырые поймы заволакивались туманом и слушали вопли, похожие на крик совы. Месяц быстро шел навстречу сизым тучам. Несколько дождевых капель упало на землю. Урод приподнялся с земли и одним прыжком внезапно бросился в воду; желал ли он утонуть или достать тело Анки – неизвестно; его неуклюжее тело тяжело шлепнулось на том месте, где качивался башмачок Анки. Потом все стихло; по речке Талой побежали круги и, наконец, исчезли. Рядом с крошечным башмачком Анки всплыла тяжелая шапка уroda. Арапка все сидел на берегу, смотрел на шапку и башмачок мутны-

ми глазами и дрожал. Его пробирало сыростью. Наконец он точно о чем-то вспомнил, тихонько сошел с берега, подплыл к шапке и, захватив ее зубами, выволок на берег. Минуту он снова просидел на берегу, чего-то ожидая, а затем проделал то же самое и с башмачком Анки. На рассвете Арапка пришел в сельцо Панкратове, к тому месту, где раньше стояла изба Марьи Перфилихи. Но на этом месте была только яма. Мокрый, он улегся на дне ямы, свернулся в комок, засунул морду под хвост и закрыл глаза. Теперь ему нигде не достать хлеба и, кажется, он решился умирать...